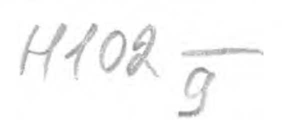
THE SOVIET UNION – A POPULAR STATE?

STUDIES ON POPULAR OPINION IN THE USSR

TIMO VIHAVAINEN
EDITOR

EVROPEYSKIY DOM
Saint-Petersburg
2003

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ – НАРОДНАЯ ВЛАСТЬ?

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ НАРОДНОГО ВОСПРИЯТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В СССР

Под редакцией
Тимо Вихавайнена

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2003

Советская власть – народная власть?
Очерки истории народного восприятия советской власти в СССР.
Под ред. Т.Вихавайнена

The Soviet Union – a Popular State?
Studies on Popular Opinion in the USSR.
Timo Vihavainen, Editor

Санкт-Петербург – «Европейский Дом», 2003 – 337 с.

ISBN 5-8015-0159-2

ISBN 5-8015-0159-2

[56] SS, Dokl. zapiska 13/1924, prilozhenie no 17, tom 2, p. 387–96.

[57] AFSB, F. 2, op. 7, d. 502, l. 200, 268, 358, 376.

[58] KPSS v rezoliutsiiakh i resheniiakh s'ezdov, konferentsii i plenumov TsK. Moscow 1984, t. 4, p. 9.

[59] V.I.Lenin, Stranichki iz dnevnika, Izbrannye, tom 3, p. 707–08.

[60] See N. Edmunds, Music and Politics: The Case of the Russian Association of Proletarian Musicians, in Slavonic and East European Review, Vol. 78, No. 1, January 2000, p. 74–76.

[61] R. Rothstein, The Quiet Rehabilitation of the Brick factory: Early Soviet Popular Music and its Critics. Slavic Review Vol. 39, No.3, September 1980, p. 374

[62] Doklad deiatelnosti 2-go otdela OPK OGPU za 1924 g., p. 47

[63] OGPU vsem gublitam, oblitam 2.7.1924, Archive of the FSB, fond 2, op. 2, N° 884, p.32.

[64] Doklad o deiatelnosti 2-go otdeleniia OPK OGPU za 1923 g., Archive of FSB, fond 2, opis 3, poriadkovyi nomer 679, p.3.

[65] ibid. p. 15.

[66] OGPU, vsem gublitam, oblitam 2.7.1924, Archive of the FSB, fond 2, opis 2, N°884, p. 44.

[67] Doklad o deiatelnosti za 1924, p. 8.

[68] OPK OGPU, svodka za mart 1925, fond 2, opis 3, N°679, p. 63.

[69] ibid. p. 63 ob, 64.

[70] Brovkin 150.

[71] See N. Lebina, O polze igry v bizer, In Normy i tsennosti povsednevnoi zhizni, 1920-1930-e gody, Neva, SPb 2000.

[72] Davies 2000, p. 49.

[73] A term used in an anonymous letter, see Davies 2000 p. 57.

[74] However, it does not necessarily follow that the «open» level was of no consequence. Doublethink can really work in society. As Bertrand Russell has said, if faithful teachers and civil servants in a state keep asserting for ten years that water boils in the cold and freezes in heat, they can make people believe that claim. Even so people will still not try to boil their coffee in a refrigerator. Their belief in these new «truths» would be a kind of «Sunday» opinion , to which they might even be emotionally attached. In everyday life, however, they would still rely on the truths of common sense. (Referred by memory from B. Russell, Unpopular Essays).

Ирина Такала
(Петрозаводск)

Cui bono? Или к вопросу об особенностях алкогольной политики советской власти

Доклад на семинаре «The Soviet Union: A Popular State or Run by Violence?» исследовательского проекта Финляндской Академии «Popular Opinion in the Soviet Union», Санкт-Петербург, 9–10 сентября 2002 г.

Сначала о теме семинара в целом. Размышляя о том, как следует квалифицировать советское общество сталинского периода и в какой степени новая власть пользовалась народной поддержкой, всегда необходимо помнить о таком важном элементе государственной политики, как пропагандистское воздействие на население. Эффективность государственной пропаганды, естественно, была различной в разных слоях населения, а сами формы и методы воздействия со временем претерпевали серьезные изменения.

Первые два послереволюционные десятилетия — это во многом, наверное, равновеликие тенденции оппозиционности и поддержки. Слой поддерживающих новую власть из среды рабочих и крестьян, судя по всему, сокращался в результате разочарования прежде всего экономическими мероприятиями этой власти, об этом, в частности, красноречиво свидетельствуют документы ОГПУ середины — второй половины 1920-х гг. Раскол увеличивается и в самих властных структурах, и в связи с этим появляется необходимость ужесточения политического нажима на население и оппозицию.

Вместе с тем, к середине 1930-х гг. уже подрастает новое, вполне советское поколение, которое воспитывается в советских школах и пионерских отрядах, они уже не помнят прошлой жизни, но твердо знают, что впереди их и страну ждет светлое коммунистическое завтра. Появление новой категории людей, преданных партии и прави-

тельству, чья лояльность властям базируется не столько на знаниях, сколько на вере и мифотворчестве государственной пропаганды, переносит проблему в целом в иное русло. И в этом плане вполне справедливы сомнения Ричарда Пайпса — есть ли смысл говорить о «народной поддержке» режима в государстве, где народ поддерживает власти от незнания, абсолютно не ведая, что на самом деле происходит в стране и не имея ни малейшего представления о существовании иных институтов управления обществом и государством.

Власти внимательно отслеживали настроения, на местах знали о проявлениях недовольства, но полная картина была известна лишь высшему руководству. В соответствии с ситуацией и потребностями времени предъявлялись требования к органам безопасности — на что прежде всего обращать внимание, а что второстепенно — и разрабатывались главные идеологические постулаты: как население должно оценивать нынешнюю действительность, во что верить, на что надеяться. Эффективность такой пропаганды возрастала по мере того, как увеличивалась численность собственно советского поколения людей.

То, что происходило в Советском Союзе, ни в коей мере не являлось чем-то исключительным, не имеющим аналогов в мире: в истории любого государства можно отыскать множество примеров сильнейшего идеологического воздействия властей на граждан во имя достижения тех или иных (и вовсе не всегда благих с точки зрения общечеловеческих ценностей) целей. Порой воздействие это было настолько сильным, что самые ксенофобские и дикие постулаты поддерживались значительным числом, если не большинством, граждан, о чем красноречиво свидетельствует история, в том числе и история Европы первой половины XX века. Во многом степень воздействия определялась не только внутриполитической ситуацией, но и внешними обстоятельствами — ничто так не укрепляет существующий режим и не сплачивает общество как внешняя угроза (или хорошо поданый миф о ней).

Советская власть и идеология большевизма укреплялись и укоренялись в общественном сознании при помощи постулата о постоянной внутренней и внешней угрозе. Внутренний враг — это «контрреволюционеры всех мастей», затем нэпманы, кулаки, церковники и пр. Когда к концу 30-х гг. список врагов, олицетворявших собой старый режим, оказался исчерпанным, неизбежно должны были появиться и другие «виновники» неудач новой власти, теперь уже обобщенный образ — «враг народа».

Веру общества в то, что «первое в мире государство диктатуры пролетариата» должно строиться в непрерывной борьбе с окружающим враждебным миром, укрепляли и соседи по планете. Военная интервенция в гражданскую войну, политическая изоляция, пограничные конфликты, угроза назревающей мировой войны — все шло на пользу делу воспитания нового человека.

Вместе с тем, многие документы эпохи, особенно материалы, отложившиеся в периферийных партийных архивах, со всей определенностью свидетельствуют о том, что в бытовой, повседневной жизни полного контроля государства над гражданами не было, да оно к этому и не стремилось. Повседневная жизнь и общественно-политическая позиция гражданина СССР как бы существуют параллельно, и если от советского гражданина требовались беззаветная преданность режиму и ненависть к его врагам, то в поведении обывателя власти могли на многое закрыть глаза. Очень быстро это стало восприниматься в обществе как нечто само собой разумеющееся, как некие правила игры, соблюдая которые народ и новая власть могут вполне неплохо сосуществовать.

Методы выбора пути властями, способы манипуляции общественным мнением, а также особенности восприятия обществом тех или иных действий государства хорошо прослеживаются на таком частном примере, как алкогольная политика советской власти.

Еще в предреволюционные годы большевики сделали алкогольный вопрос одним из рычагов борьбы с царским режимом: по их определению, алкогольный дурман был «лишним препятствием на трудном пути к освобождению от всякого гнета и эксплуатации»[1], поэтому борьба с пьянством была объявлена борьбой политической.

С приходом к власти большевистское правительство установило своего рода «диктатуру трезвости» — революционная дисциплина и порядок являлись важнейшим условием сохранения и укрепления этой власти. С водкой воевали при помощи пулеметов и винтовок, поскольку считали ее оружием, способным уничтожить пролетарское государство. Пьяницы рассматривались как враги народа и революции и должны были нести ответственность по всей строгости революционных законов. Борьба с пьяными погромами, суровые постановления о запрещении пьянства (вплоть до расстрела), уничтожение огромных запасов спиртного — все это осуществлялось с целью создания в будущем «государства трезвости», в котором трезвость рассматривалась как общепартийная норма и как одна из ближайших целей революции для всего народа. «Под знаменем воздержания от алкоголя, — писалось в одной из первых советских антиалкогольных брошюр, — народилась и должна укрепляться коммунистическая рабоче-крестьянская Россия»[2].

Вместе с тем следует подчеркнуть, что полного запрета на производство и реализацию алкогольной продукции даже в годы «диктатуры трезвости» в Советской России не было. Постановление Совнаркома от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ»[3], которое нередко называют «сухим законом»[4], таковым на самом деле не являлось: оно не запрещало потребление спиртных напитков вообще и всех (запрет не распространялся, например, на виноградные вина крепостью до 12°, а было направлено, главным образом, на сохранение хлеба и борьбу с тайным винокурением.

Якобинскую нетерпимость к проклятому наследию большевики продолжали насаждать в партии и обществе и по окончании гражданской войны, однако одновременно, уже с 1920 г., осуществляются шаги в другом направлении — по национализации и развитию спиртовой, а затем и винно-водочной промышленности, которая, как оказалось, жизненно необходима экономике страны. Особенно быстро ситуация начинает меняться с переходом к НЭПу.

Новый этап антиалкогольной борьбы в советском государстве длился примерно десять лет (1921–1930) и имел крайне противоречивый характер, как, впрочем, и вся политика того периода. Перефразируя Сталина, этот этап можно назвать периодом перехода к «наименьшему злу». Это было время, когда, с одной стороны, борьба с алкоголизмом продолжает выдвигаться как крупнейшая и огромной важности задача, а официальное трезвенническое движение приобретает невиданные масштабы (апогей — 1928–1929 гг.). С другой — возобновление производства и продажи алкогольных напитков и введение винной монополии возвращали страну в русло общемирового и отечественного опыта, экономические интересы государства вступали в жесткое противоречие с идеологическими установками большевиков.

Еще в Плане ГОЭЛРО (1920 г.) было зафиксировано положение о том, что «Запрещение потребления алкоголя должно быть проведено и далее в жизнь, как, безусловно, вредного для здоровья населения»[5]. Однако к весне 1921 г. страна находилась в разрухе, для восстановления хозяйства и борьбы с надвигающимся голодом необходимы были средства. Споры о выборе способов внутреннего финансирования хозяйственного строительства приобретают все большую остроту, и в правительственных кругах разворачивается серьезная борьба вокруг вопроса о государственной торговле алкоголем.

Активным противником возобновления казенной продажи питья был Л.Д. Троцкий, заявлявший, что недопустимо плыть к социализму по морю водки. Известны и многочисленные высказывания В.И. Ленина против попыток получения прибылей за счет продажи спиртных напитков. На самом деле выбор между «экономически выгодно» и «политически верно» в рамках известного ленинского тезиса о взаимоотношении экономики и политики, по сути, был сделан уже в 1921 г., когда декретом СНК от 9 августа, подписанным Лениным и Н.П. Горбуновым6, была разрешена продажа населению виноградных, плодово-ягодных и изюмных вин крепостью в 14°. В январе 1922 г. для упорядочения деятельности по государственному производству и сбыту вин декретом ВЦИК образуется Управление государственным виноградарством и виноделием[7], и с этого момента в стране начинается возрождение винодельческой промышленности. В 1922/23 хозяйственном году была проведена и первая пивоваренная государственная компания. Одновременно увеличивались акцизы на технический спирт и пиво для населения[8]. В 1922-24 гг. одно за другим следуют правительственные постановления, разрешающие производство спирта для «питьевых нужд», а также изготовление и продажу наливок и настоек сначала крепостью до 20, а затем до 30°[9]. Постепенно меняются и установки по отношению к алкоголю — идею «умеренного» употребления спиртных напитков начинает защищать даже нарком здравоохранения Н.А. Семашко.

Таким образом, несмотря на антиалкогольные декларации, правительством уже на четвертом году советской власти на вооружение был взят наиболее легкий и доходный объект налогового обложения — производство и потребление алкоголя.

По мере расширения продажи спиртных напитков росло и потребление их населением, однако главным народным напитком в первой половине 1920-х гг. был самогон. Экономической базой для широкого самогоноварения после окончания гражданской войны стали замена продразверстки продналогом и существовавший в то время феномен «ножниц цен»: ввиду большой разницы в цене на промышленные и сельскохозяйственные товары крестьянам излишки хлеба выгоднее было не продавать на рынке, а перегонять на самогон. Крепость «народного напитка» колебалась от 15 до 60°, а при повторной перегонке достигала 80°, причем с годами тенденция к изготовлению «крепкого» самогона, особенно для личного потребления, усиливалась[10]. Помимо удовлетворения собственных нужд, самогон являлся выгодным товаром для продажи, а также

использовался в качестве эквивалента при торговых расчетах, деловых сделках и т.п.

Несмотря на усилия милиции, в целом ряде регионов самогоноварением занималось до трети всех крестьянских хозяйств; по данным органов безопасности, даже в самых бедных губерниях европейской России выгонка самогона была одним из важнейших видов крестьянских промыслов. Прибыль от этой деятельности была весьма высокой: себестоимость ведра самогона в деревне составляла 2–3 руб., а продавался он по 10–15 руб.[11].

Очень скоро стало понятно, что государство проигрывает в этой неравной борьбе и несет существенные финансовые потери, загнав винокурение и торговлю алкоголем в подполье. Да и о последовательном осуществлении мер, предписанных декретом 1919 г. и Уголовным кодексом РСФСР 1922 г. в отношении самогонщиков, говорить не приходится. Суровые законы военного времени канули в Лету, а Россия возвращалась к своим традиционным представлениям о месте и роли спиртных напитков в жизни общества, и здесь никакая большевистская пропаганда, тем более за столь короткий срок, практически ничего изменить не могла.

В связи с этим представляется, что именно в алкогольной сфере раньше всего сложилась ситуация, моделирующая вполне типичные впоследствии взаимоотношения общества и советского государства, основанные на двойной морали, двойных стандартов. Многие коммунистические постулаты вдалбливались властями в головы граждан настойчиво, жестоко и достаточно эффективно: постепенно закрепляясь в общественном сознании, они начинали передаваться уже на бытовом уровне — семья, близкое окружение, соседи и т.д. Отступление от них сурово каралось и преследовалось сначала государством, а затем и самим обществом. В случае с алкоголем все изначально было не так. Лозунг «Пьянству — бой» выдвигался властями вовсе не так настойчиво и последовательно, как некоторые иные, более важные политические постулаты (борьба с религией, например). В столь значимой для России сфере как питейный вопрос нельзя было постоянно закручивать гайки, к тому же вполне очевидной была экономическая заинтересованность государства в алкоголе. Соответственно и борьба с пьянством воспринималась в обществе как некая условность, при которой, соблюдая правила игры, можно продолжать жить по старым, веками устоявшимся законам. В результате официальная пропаганда продолжала твердить о непримиримой борьбе с пьянством в то время как власти наращивали выпуск алкоголя, партия все

чаще закрывала глаза на пьянство своих членов, а население, в принципе соглашаясь с антиалкогольными призывами, вовсе не собиралось изменять своим питейным традициям. И такой двойной стандарт устраивал всех, что бы при этом ни декларировали власти.

Цинизм и фарисейство сталинского правительства в алкогольном вопросе становятся еще более очевидными, если обратиться к документам тех лет.

Начиная с 1923 г. в донесениях органов безопасности, подготавливаемых для высшего руководства страны, появляется все больше материалов о растущем в стране пьянстве и сопровождавших его случаях хулиганства, разбоев и т.д. В Обзорах политико-экономического состояния СССР за 1923–24 гг. неоднократно отмечалось, что в целом ряде мест крестьяне, несмотря на нехватку хлеба, пьют порой даже больше, чем в довоенное время. Особенностью новой деревни было и то, что повсеместно наблюдалось «поголовное пьянство среди членов волисполкомов, сельских милиционеров, деревенских коммунистов и других представителей местной власти». Государство платило своим служащим мизерную зарплату, которую задерживало месяцами, и очень часто сельсоветы, а порой и работники ВИКов сами занимались самогоноварением для получения средств. Во многих местах «ввиду материальной необеспеченности» самогонщикам содействовала милиция[12]. Крестьяне неохотно шли на советскую работу, не позволявшую прокормить семью, и зачастую местные органы власти формировались просто из маргинальных слоев населения. Как следствие — регулярно фиксировавшиеся надзирающими органами случаи злоупотребления властью, произвола и просто элементарного хулиганства. Вот, например, что писалось в отчете ОГПУ за ноябрь 1924 г.: «Пьянство низового соваппарата отмечается по всем районам Союза. В Центральном районе в одном селе председатель и секретарь сельсовета пьянствуют ежедневно, в другом — местные власти достают самогон бесплатно, покрывая самогонщиков... В Рязанской губ. в некоторых селах крестьяне требовали переизбрания Советов, чтобы избавиться от пьяниц и взяточников. В Верхне-Сосинской вол. Орловской губ. крестьяне по поводу выборов в Советы говорили: «Горькие пьяницы выбирают друг друга». В этой губернии предсельсовета в пьяном виде потерял портфель и наган. Пьянство совработников отмечается также в Тульском, Московском и других районах. В Северо-Западном районе пьянство и дебоши членов сельсоветов и ВИКов — бытовое явление. В Кипено-Ропшинской вол. Ленинградской губ. предвика принимает посети-

телей в пивной. В Карелии в Петрозаводском у. в одной из волостей отмечен случай, когда предВИКа в пьяном виде, увидев у одного крестьянина портрет Ленина, с площадной бранью стал топтать его ногами. На Украине в Донецкой губ. предсельсовета, напившись, заставлял крестьян возить его на тачке по селу...»[13].

Документы свидетельствуют также о том, что с воцарением мира чрезвычайно широко распространяется пьянство в Красной Армии, особенно среди командного состава[14]. Практически во всех военных округах регулярно фиксировались случаи пьяных разгулов и дебоширства офицеров «вплоть до уличной стрельбы». На попойки тратились громадные казенные суммы, массовое пьянство в пограничных частях вело к росту контрабанды и шпионажа.

Не менее впечатляющие изменения происходили и в рабочей среде. Если в документах ОГПУ 1922–24 гг. о пьянстве рабочих упоминается еще довольно редко[15], то накануне введения водочной монополии ситуация была уже совершенно иной. В справке Информационного отдела ЦК РКП(б), направленной Сталину в августе 1925 г., говорилось, что «пьянство среди рабочих масс имеет широкое распространение и за последнее время значительно усиливается, принимая массовый и прогрессивный характер»[16]. Связывалось это с тем, что в рабочих районах с 1923 г. усиленно разворачивалась сеть винной и пивной торговли, кооперативы торговали спиртными напитками даже в кредит, а серьезной борьбы с пьянством почти нигде не велось.

Большей частью рабочие пили в дни получек, а также во время праздников и дней отдыха. Поводов для веселья хватало: выходными днями по-прежнему оставались все крупные религиозные праздники, активно стали отмечать и новые, революционные — День Парижской коммуны, 1 мая, 7 ноября и т.д. Более того, выпивка становится неизменным атрибутом «культурно-массовой работы», которую проводили среди рабочих профсоюзные и партийные органы. Например, в Донбассе, на Красномайском заводе при клубе им. Калинина профсоюзами было устроено рабочее гуляние, сбор от которого должен был поступить в пользу «юных ленинцев». Плата за вход была 3 руб., причем купившему билет в качестве премии выдавалась бутылка русской горькой и закуска. В результате этого гулянья в буфете клуба «в кредит» перепились не только заводские, но и рабочие соседней шахты. Пили все: старики и дети, начальство и подчиненные, беспартийные и партийные; женщины напивались до бесчувствия. Эта оргия продолжалась два дня, после чего пьяных развезли на казенных лошадях по домам, а буйных завозили в милицию[17]. К приметам нового

времени следует отнести и то, что пить начинают даже на рабочем месте, а следствием этого стал рост травматизма, порча материалов, поломка оборудования и т.д.

Новые традиции мирно соседствовали со старыми, веками укоренявшимися обычаями. В пасхальные праздники 1925 г. повальное пьянство среди рабочих по всей стране сопровождалось драками и поножовщиной с десятками убитых и сотнями раненых[18]. Вновь женщинам приходится караулить мужей у проходной в дни получки, вновь растет число пьяных прогулов. В Ленинграде, например, после праздничных загулов на некоторые заводы не являлись по несколько сотен рабочих[19].

В этих условиях, зная о ситуации в стране, правительство тем не менее делает решительный поворот в своей алкогольной политике. Концепция «наименьшего зла» начала реализовываться уже в 1924/25 хозяйственном году. В октябре 1924 г. пленум ЦК принял решение о введении водочной монополии[20]. 28 августа 1925 г. было принято Постановление ЦИК и СНК СССР «О введении в действие положения о производстве спирта и спиртных напитков и торговле ими», которое вступало в силу с 1 октября 1925 г. на всей территории страны за исключением Закавказской СФСР[21]. Согласно этому положению, устанавливалась государственная монополия на производство и продажу крепких спиртных напитков. В продажу выпускалась 40° водка, коньяки и ликеры крепостью до 60°; торговля водкой, водочными изделиями и коньяком разрешалась как государственным и кооперативным, так и частным торговым заведениям. Производство спирта для изготовления спиртных напитков также могло осуществляться государственными, кооперативными и частными предприятиями, однако весь произведенный питьевой спирт подлежал сдаче учрежденному при ВСНХ Центральному правлению государственной спиртовой монополии (Центроспирту). Изготовление водки из этого спирта составляло исключительное право государства, но могло производиться по контракту на государственных, кооперативных и частных водочных заводах[22]. Таким образом, в СССР была осуществлена реформа, по сути аналогичная той, что проводилась царским правительством России при С.Ю. Витте, правда Сталину для этого понадобился 1 месяц, а не 10 лет.

Одновременно, для оправдания действий правительства, Агитпроп ЦК ВКП(б) опубликовал тезисы, в которых выпуск в продажу сорокаградусной водки объяснялся необходимостью борьбы с самогоноварением, достигшим угрожающих размеров и продолжающим

распространяться «на все более и более широкие слои населения». Народ убеждали, что правительство вводит водочную монополию на небольшой срок как меру вынужденную, необходимую для экономического подъема страны, не упуская при этом из виду «того вреда, который сопряжен с распространением водки для культурного и экономического роста страны»[23].

Однако самогонный аргумент не мог долго оправдывать алкогольную политику правительства — введение водочной монополии привело лишь к временному снижению самогоноварения. Нужны были более веские доводы, тем более что, как отмечал в 1925 г. заведующий агитпропом ЦК А.И. Сырцов, «в рабочих кругах пошли разговоры, что Советская власть встала на путь царского правительства»[24]. Вторым и главным аргументом в пользу введения винной монополии стала дилемма, сформулированная Сталиным — либо капиталистическая кабала, либо водка. Осенью 1927 г. в печати был опубликован текст его беседы с иностранными рабочими делегациями. В ответ на вопрос о том, как увязать водочную монополию и борьбу с пьянством, генеральный секретарь ЦК ВКП(б) заявил: «Партия знает об этом противоречии, и она пошла на это сознательно, зная, что в данный момент допущение такого противоречия является наименьшим злом». По словам Сталина, торговля спиртными напитками — необходимое средство извлечения оборотных средств «для развития нашей индустрии своими собственными силами»; водочная монополия вводится как временная мера и будет уничтожена «как только найдутся в нашем хозяйстве новые источники для новых доходов»[25].

Вопреки заверениям правительства, с отменой запрета на продажу крепких спиртных напитков государственная промышленность, вырабатывающая этиловый спирт, начала бурно развиваться. Только за два хозяйственных года после введения водочной монополии число винокуренных заводов в стране увеличилось более чем в 3 раза[26]. Все большая часть вырабатываемого спирта шла на производство ликеро-водочных изделий и крепленых вин. С 1927 г. Центроспирт, после передачи ему всех бывших казенных винных складов и ректификационных заводов[27], становится крупнейшим монополистом в сфере производства и продажи ликеро-водочной продукции.

Торговля алкоголем, даже несмотря на верность деревни самогону, действительно сразу же становится важным финансовым источником осуществления форсированной индустриализации. Впрочем, власти старались не раскрывать истинные цифры алкогольных поступлений в бюджет. По официальным данным, в 1926–27 гг. хозяйственном году поступления от продажи спиртных напитков составили 180 миллионов рублей. Однако осенью 1927 г. Сталин называет другую, значительно большую сумму — более 500 миллионов. В 1927-28 гг. официальная статистика говорит о спиртовом доходе в 270 млн. руб., а по подсчетам экономистов Общества борьбы с алкоголизмом он составил 728 млн. руб.[28]. Сумма представляется вполне реальной, если иметь в виду, что в соответствии с первым пятилетним планом в бюджет от продажи спиртных напитков должно было поступать около 900 млн. руб. в год.

В результате всего лишь за 5 лет государственные доходы от спиртных напитков возросли в 6 раз и составили 12% всей доходной части бюджета (см. табл.).

Таблица. Рост доходов от продажи спиртных напитков в 1923–1928 гг.[29]

Годы	Выпуск водки и водочны изделий (млн. л)	Выпуск пива (млн. л)	Доход от продажи водки, водочных изделий и пива (млн. руб.)	Доход от продажи спирт ных напитков ко всему бюджету (%)
1923/24	11,3	211,6	47,0	2,0
1924/25	66,4	246,0	154,9	5,3
1925/26	258?3	246,0	340,7	8,4
1926/27	381,3	—	545,4	10,9
1927/28	550,0	—	728,8	12,0

Столь же стремительно росло потребление спиртных напитков населением. Если в 1925 г. среднедушевое потребление в стране составляло примерно 0,88 литра абсолютного алкоголя[30], то в 1928 г. по РСФСР оно возросло до 3,5 л, превысив даже показатели 1913 г. (3,4 л на сопоставимой территории). Городское население потребляло спиртных напитков почти в два раза больше, чем сельское. При этом в структуре потребления 53,7% приходилось на самогон, 39,1% — на казенную водку, остальное — на пиво и вино[31]. Но государство не оставалось в накладе. В 1927/28 хозяйственном году население страны истратило на водку 963 млн. руб., на пиво — 170 млн., на виноградные вина, коньяк и водочные изделия — 130 млн.[32]. Около трети

доходов государства от продажи спиртных напитков приходилось на пролетариат и почти 40% — на основную массу крестьянства, т.е. середняков и бедняков[33]. Если с 1925 по 1927 г. бюджет рабочих семей увеличился на 19%, то расходы на алкоголь выросли на 40%, а расходы на культурные потребности снизились на 12%[34]. Публикуя эти цифры, председатель Всесоюзного совета противоалкогольных обществ Ю. Ларин делал неутешительные выводы: городские рабочие пьют втрое больше городских служащих, сельские служащие — в 4 раза больше середняков. И в целом «больше заражены водкой, пивом и вином как раз те слои советских классов, на каких лежат более ответственные задачи. В городе — это основная опора социализма, рабочие. В деревне — служащие совхозов, кооперативов, сельских советов и т.п., то есть работники предприятий — проводников социалистического хозяйства. Наш обобществленный сектор (государственное хозяйство) более страдает от пьянки, чем частное хозяйство»[35].

Исследования социально-гигиенического характера, проведенные учеными во второй половине 1920-х гг., дают довольно широкую картину изменений, происходивших в советском обществе после 1925 г. Уже в 1926 г. число преступлений, совершенных в состоянии опьянения, возросло по сравнению с предыдущим годом в городах на 270%, в селах — на 330%. Вновь быстро растет количество «пьяных арестов», особенно в больших городах. Например, на улицах Ленинграда в 1923 г. были задержаны в пьяном виде 2 тыс. человек, в 1924 г. — 11 тыс., 1925 — 33 тыс., 1926 — 95 тыс., 1927 — 113 тыс. За четыре года рост почти в 57 раз! В результате в Ленинграде в 1927 г. один задержанный пьяный приходился на 15 жителей всех возрастов, или это был каждый четвертый взрослый мужчина. (Напомним, что в начале века в Петербурге один задержанный (в год) приходился на 25 жителей. — *И.Т.*). В Москве приводилось в милицию ежегодно более 100 тыс. пьяных, в целом же по стране число задержанных в нетрезвом состоянии городских жителей доходило ориентировочно до двух миллионов в год, при этом число пьяных на улицах было, по крайней мере, в 2–3 раза больше[36]. Вновь начинает расти и число больных алкогольными психозами, резко сократившееся в период мировой войны.

Главный вывод исследователей заключался в том, что пьянство повсеместно «принимает небывалые размеры», за рекордно короткий срок — 3 года — достигнут довоенный уровень потребления спиртных напитков и он растет «из года в год». Ученые отмечали также, что

формы, причины пьянства и питейные традиции повсюду — и в городе, и на селе — несут на себе черты старого довоенного алкоголизма, однако размах приобретает несоизмеримые масштабы. Повсеместно в промышленности доля пьющих рабочих в среднем была 90% и, судя по материалам Москвы, Ленинграда, некоторых других крупных городов, число запойных алкоголиков, нуждающихся в лечении, могло доходить до 10% от всех взрослых мужчин-рабочих, то есть составлять примерно 700 тыс. человек. Больше всего ученых волновало то, что пьянство ежедневное, хроническое, растет быстрее, чем пьянка по случаю (праздник, получка), и население считает это вполне допустимым[37].

Стараясь хоть как-то оправдать введение монополии и сгладить противоречия между своими идеологическими установками и практическими шагами, правительство начинает очередную трезвенническую кампанию. Создание в 1928 г. «Общества по борьбе с алкоголизмом» (ОБСА) и Всесоюзного Совета противоалкогольных обществ (ВСПО) СССР не было результатом широкого движения народных масс за трезвый быт, как об этом принято было писать в советской литературе[38]. Инициирование всплеска антиалкогольной агитации понадобилось властям для того, чтобы отвлечь внимание общества от серьезных изменений в алкогольной политике и от ее плачевных последствий.

Широкая антиалкогольная кампания, развернутая активистами ОБСА по всей стране, проходила шумно, но недолго. Формы антиалкогольной работы были самые разные. Только с августа 1928 г. по январь 1929 г. местными противоалкогольными обществами в 103 городах были организованы демонстрации трудящихся против пьянства и алкоголизма, в 58 — рабочие конференции по борьбе с алкоголизмом, в 5 — начато преподавание антиалкогольных курсов в школе, в 116 — приняты постановления местных органов власти об ограничении времени и мест торговли спиртными напитками[39].

За 1928–29 гг. было организовано и около 200 детских демонстраций против пьянства и алкоголизма взрослых. В городах и поселках страны колонны детей несли лозунги «Вылить всю водку!», «Требуем трезвых родителей!», «Папа, не ходи в монопольку, неси деньги в семью!» и даже «Расстреливать пьяниц!». В Иркутске в таком шествии участвовало 15 тыс. детей. Развивалась практика созыва антиалкогольных конференций, таких как «пьющие девушки» (впервые проведена в Выборгском р-не Ленинграда), «пьющая молодежь», «пьющие слесари», «пьющие сезонники» и т.п. Через печать бросившие

пить посылали «вызовы» своим пьющим приятелям, заключались «социалистические договоры за трезвость», пари на сроки воздержания от алкоголя и т.п. Например, рабочий и крестьянин в одном из приволжских сел заключили между собой договор, с условием, что если одна из сторон не удержится от выпивки, то платит штраф в виде покупки знамени за 15 руб. для пионерского отряда. Получили ли пионеры знамя — осталось неизвестным. Совершались рабочие антиалкогольные походы из городов в деревни; на Украине возник первый антиалкогольный театр; 4 деревни под Харьковом объединились в сельхозартель имени «Общества борьбы за трезвость». Весьма распространены были плакаты, например, такого содержания: «Не пей! С пьяных глаз ты можешь обнять своего классового врага!»[40]. Антиалкогольные походы, курсы, живые газеты, представления, показательные суды над пьянством, наглядная агитация во всех видах на короткое время стали доминантой в культурной жизни больших городов и поселков.

Несмотря на усилия руководителей ОБСА трезвенническое движение массовым не стало, численность общества к 1929 г. достигла лишь 250 тыс. членов. Главным образом это были рабочие с большим производственным стажем, молодежи в обществе было мало[41]. Аскетические лозунги («Алкоголизм и социализм не совместимы!», «Изгоняй, кто поит, выгоняй, кто пьет!», «Даешь получку без вина!» и т.д.), как и конечная цель движения — борьба не со злоупотреблением, а вообще с употреблением, т.е. борьба за трезвость, не могли привлечь много сторонников. Ценности «продвинутых» рабочих были далеки абсолютному большинству российских мужчин, которые продолжали пить и считали это правильным. До сельского населения страны трезвенническая кампания и вовсе не добралась, во многих местах антиалкогольные общества так и не были созданы или существовали лишь на бумаге[42]. Да и радикализм лидеров трезвеннического движения вскоре стал, с точки зрения властей, серьезной помехой на пути к «большому скачку» в индустриализации и построении социализма.

Действительно, уже во второй половине 1928 г. ОБСА удалось добиться того, что в 120 городах России были приняты различные постановления городских или районных исполкомов по вопросам алкоголизма. В Ленинграде, например, решением Ленсовета от 5 августа 1928 г. была запрещена торговля спиртными напитками по праздникам. Со второй половины 1928 г. по настоянию Общества начинает свертываться торговля водкой в рабочей кооперации. Затем

и Моссовет принял решение о сокращении продажи водки на 30 тыс. гектолитров[43].

29 января 1929 г. СНК РСФСР издал декрет «О мерах по ограничению торговли спиртными напитками»44, в основу которого были положены предложения, разработанные активистами ОБСА45. Декретом запрещалось открытие новых торговых точек по продаже водки в промышленных городах и рабочих поселках, торговля ею во все праздничные и предпраздничные дни, дни отдыха и накануне их, а в районах расположения предприятий — и в дни зарплаты. Продажа водки и водочных изделий запрещалась в буфетах клубов, государственных и общественных организаций, театров, кинотеатров, в общежитиях, банях, садах, парках, местах гуляний, столовых, закусочных. Полностью воспрещалась алкогольная реклама в печати и в общественных местах. Горсоветам и Советам рабочих поселков предоставлялось право закрывать любое место продажи алкоголя как по ходатайству рабочих организаций, так и по собственной инициативе. Горсоветы обязывались закрыть все места продажи водки в непосредственной близости к казармам и биржам труда; с учетом местных условий совет мог ограничить часы торговли водкой.

Постановление, наносящее серьезный урон экономике, естественно, было подвергнуто ревизии очень быстро. Закрытыми решениями СНК РСФСР, принятыми в апреле–мае 1929 г.[46], оно было фактически дезавуировано.

Вообще 1928–29 гг. были главными в плане окончательного формирования советской государственной алкогольной политики. Краеугольным камнем в борьбе за культуру и трезвый быт продолжал оставаться политический постулат большевиков о несовместимости алкоголизма и социализма. Вместе с тем, алкоголизм, наряду с нищенством, беспризорностью и проституцией, определялся теперь не как «социальный паразитизм» (явление не совместимое с принципами строящегося социалистического общежития — определение времени военного коммунизма), а как «социальная аномалия»47, т.е. явление, по сути уже не типичное для нового общества, быстро изживаемое и не заслуживающее пристального внимания государства. Борьба, шедшая в правительственных кругах вокруг вопроса о казенной продаже питья, закончилась полной победой тех, кто, по выражению Сталина, готов «чуточку выпачкаться в грязи ради победы пролетариата и крестьянства»[48]. Причем многие действия властей в этой сфере наводят на мысль о том, что существовала не только экономическая заинтересованность государства в алкоголе.

Уже с 1926 г. из документов ОГПУ постепенно исчезает информация о пьянстве населения. Бытовое пьянство в стране, как свидетельствовали цифры, продолжало нарастать быстрыми темпами, однако оно перестало быть предметом первоочередного внимания государства. Перед органами безопасности ставятся теперь другие задачи — в связи с разгоравшейся борьбой с оппозицией, а затем с начавшейся коллективизацией, власти гораздо больше были озабочены «общеполитическим настроением масс», алкогольный же вопрос становится второстепенным и нежелательным для публичных обсуждений. Например, в политических сводках ОГПУ 1929 г., того самого года, когда окончательно была определена алкогольная политика советского государства, практически уже ни слова нет о пьянстве населения, все внимание уделено более важным для правительства вещам — отношение населения к продовольственному положению в стране, хлебозаготовкам, нарастающему голоду, рост недовольства церковной политикой. А то, что народ, несмотря на голод, продолжал много пить (нехватки в спиртном не было даже во время карточной системы), оказалось лишь на руку надзирающим органам — известно ведь, что у пьяного на языке...

Выходившее из-под контроля трезвенническое движение в 1930 г. было ликвидировано. Руководство ВСПО и ОБСА было обвинено в «увлечении администрированием, непьющими кампаниями», пособничестве правой оппозиции, а их критика государственной алкогольной политики расценена как «грубая политическая ошибка»[49].

С этого же времени тема борьбы с пьянством начинает сходить со страниц центральной и местной периодической печати. Меняется и медицинская трактовка заболевания алкоголизмом: в 1930-е годы исследовалось влияние спиртного только на психику человека. Алкоголь был признан годным для лечебного применения как лекарственное средство, в связи с этим велись интенсивные поиски заболеваний, поддающихся лечению алкоголем[50]. Экономические и социальные причины алкоголизма не исследовались, статистические данные о производстве и потреблении спиртных напитков не публиковались. Данные об алкогольной ситуации в стране переводятся в ранг секретных, а официальная статистика бодро рапортует о победах на антиалкогольном фронте и о постоянном снижении потребления спиртных напитков в стране: 2,8 л литра абсолютного алкоголя на человека в год в 1935–37 гг., от 2,5 до 1,9 л по разным оценкам в 1940 г.[51].

Правительство между тем продолжало наращивать выпуск и продажу крепких напитков, совершенствовать систему управления спиртовой и спиртоводочной промышленностью. В сентябре 1932 г. Союзспирт (бывший Центроспирт) был преобразован в Главное управление спиртовой промышленности при Народном комиссариате снабжения СССР — Главспирт[52]. Новая структура создавалась для улучшения руководства спиртовой промышленностью, ускорения темпов ее реконструкции и развития. Этим же постановлением с 1 октября 1932 г. устанавливались специальные отчисления в размере 50 коп. с каждого декалитра произведенного безводного спирта, из которых 37,5 коп. шли в районный бюджет, 12,5 коп. — в республиканский и краевой бюджеты. Данная мера призвана была стимулировать заинтересованность местных советов в выполнении плана производства и продажи алкогольных напитков. Среди ударных строек 1933 г. были названы строительство винокуренных заводов в Петровске (Саратовская обл.) и Сясьске (Ленинградская обл.)[53].

Естественно, что производство водки и водочных изделий постоянно нарастало: 1930 г. — 618 млн. л, 1933 г. — 700, 1936 г. — 776, 1939 г. — 1 095 млн. л 54. Совершенствовалась и система продажи алкогольных напитков. К 1940 г. число только специализированных винно-водочных магазинов составило 3 750, превысив более чем в 2 раза количество магазинов, специализировавшихся на продаже овощей, мяса, рыбы, молока[55].

Государство же, победившее на алкогольном фронте частника-самогонщика и шинкаря, чему в немалой степени способствовали коллективизация и голод начала 1930-х гг., объявило проблему решенной: «В Советском Союзе, где окончательно ликвидированы эксплуататорские классы, где непрерывно повышается материальное благосостояние народа, уничтожены социальные корни алкоголизма»[56].

В дальнейшем, на новом этапе, начавшемся в 1930-е гг. и продолжавшемся, по сути, до середины 1980-х гг., главным средством борьбы с пьянством и алкоголизмом стали судебно-административные меры. При постоянно нараставшем спаивании государством своего населения, общество продолжали убеждать в том, что алкогольной проблемы в стране нет. В послевоенные годы активно культивировалась идея, что в СССР пьянство лишь пережиток прошлого, который, как и остальные, неотвратимо и быстро преодолевается, а потому не стоит особо тревожиться по этому поводу. У нас пьют меньше, чем на Западе, меньше, чем пили в царской России и, следовательно, проблема не столь серьезна, чтобы бить тревогу. «Успокоительная теория», создававшая видимость благополучия, лишь загоняла проблему

внутрь, с каждым годом делала ее все более острой и неразрешимой, а государство и общество продолжали играть в предложенные когда-то Сталиным алкогольные поддавки.

Реформы Горбачева и Ельцина, сопровождавшиеся в лучших советских традициях громкой пропагандистской шумихой, алкогольную ситуацию в стране лишь усугубили: сегодня Россия оказалась вновь отброшена в питейной сфере к 80-м годам XIX в., а в вопросах государственного контроля над алкогольным бизнесом — так и вовсе к веку к пятнадцатому[57]. Совершенно очевидно, что в сложившейся ситуации алкогольный вопрос еще долго будет интересовать власти прежде всего с точки зрения проблем государственного фиска. При этом общество, находящееся, по мнению многих экспертов, на грани физической и нравственной деградации из-за высокой степени алкоголизации, будут привычно убеждать в том, что проблема надумана и не так страшен черт, как его малюют. Привыкший пить веками, россиянин радостно с этим согласится, ведь питейный вопрос в России — это, пожалуй, единственная сфера государственной жизни, в которой, несмотря на разные подходы и цели, народ и власть, по большому счету, всегда были едины.

[1] Труды первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. (СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1910), с.71

[2] С. Шевердин, От «диктатуры трезвости» к «меньшему злу»: Никакого расслабления и уничтожения сил, Трезвость и культура (1988) 4, с.9

[3] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства, (Москва: Изд. Наркомюста, 1917–1938. Далее — СУ РСФСР), 1920, №1–2, статья 2.

[4] См., например: С. Шевердин, От «диктатуры трезвости» к «меньшему злу» 4, с.9; Р. Лирмян, Оправданию не подлежит, Коммунист (1985) 8, с.112, 117. И уж всякого смысла лишено утверждение, что «В России запрещение производства и продажи спиртных напитков было введено в 1914 г. и продолжало действовать до 1925 г.», хотя оно широко распространено в литературе (См., например: «Алкоголизм», Большая Советская Энциклопедия (Москва: БСЭ, 3-е изд., 1970) 1, с.442–443; Ю.П. Лисицын, Н.Я. Копыт, Алкоголизм (социально-гигиенические аспекты) (Москва: Медицина, 1983), с.191; Ф.Г. Углов, «Глядя правде в глаза», Наш современник (1987) 7, с.155; Н.Б. Лебина, Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–30 гг. (СПб.: Нева, 1999), с.26; «Пьют партийцы и комсомольцы, и все, все», Исторический архив (2001) 1, с.5.

[5] План электрификации РСФСР. Доклад VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России (Москва: Политиздат, 1955), с.174.

[6] СУ РСФСР, 1921, 60: 413. См. также: СУ РСФСР, 1921, 68: 543; 80: 690.

[7] СУ РСФСР, 1922, 6: 61.

[8] СУ РСФСР, 1922, 16: 56.

[9] СУ РСФСР, 1922, 25: 293; СУ РСФСР, 1923, 6: 100; Собрание Законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (Москва: Изд. Управлением делами СНК СССР, 1924–1937. Далее — СЗ СССР), 1924, №27, статья 233.

[10] Д. Воронов, Алкоголь в современном быту (Москва–Ленинград: ОГИЗ, 1930), с.90.

[11] См.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) (Москва: ИРИ РАН, 2001), т.1, ч.2, с.871, 895; т.2, с.206.

[12] «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране, т.1, ч.2, с.895; т.2, с.150–151, 189, 206.

[13] Там же, 2, с.280–281.

[14] Там же, т. 1, ч 2, с.873, 897–898, 915, 943; т.2, с.49, 65, 81, 129, 293.

[15] См.: Там же, т.1, ч.2, с.866; т.2, с.259.

[16] «Пьют партийцы и комсомольцы, и все, все», Исторический архив (2001) 1, с.6.

[17] Там же, с.8–9.

[18] Там же, с.9.

[19] «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране, №2, с.259.

[20] И.В. Сталин, Сочинения (Москва: Политиздат, 1948) 9, с.191–192.

[21] СЗ СССР, 1925, 57: 425.

[22] СЗ СССР, 1925, 57: 426.

[23] Э.И. Дейчман, Алкоголизм и борьба с ним (Москва: ОГИЗ, 1929), с.139.

[24] Правда, 18 декабря 1925.

[25] Сталин, 10, с.232–233.

[26] Пьянство и преступность: история, проблемы (Киев: Государство и право, 1989), с. 124; Лисицын, Копыт, с.75.

[27] СУ РСФСР, 1927, 24: 162.

[28] См.: Сталин, 10, с. 232; Дейчман, с.119, 124; Т.П. Коржихина, «Борьба с алкоголизмом в 1920-е–начале 1930-х гг.», Вопросы истории (1985) 9, с. 27; B.M. Segal, The Drunken Society: Alcohol Abuse and Alcoholism in the Soviet Union (New York: Hippocrene Books, 1990), p.48.

[29] Составлена по: Дейчман, с.143; Э.И. Дейчман и Л.Г. Политов, «Некоторые статистические данные об алкоголизме в нашей стране», Алкоголизм как научная и бытовая проблема (Москва–Ленинград: Государ-

ственное издательство, 1928), с.224; Трезвость и культура (1929) 17, с.15.

[30] «Алкоголизм», Большая Медицинская Энциклопедия (Москва: БМЭ, 1928) №1, с.410.

[31] Рассчитано по: Д.П. Родин, «Обследование употребления алкоголя в сельских местностях РСФСР в 1928 г. и его итоги», Алкоголизм в современной деревне (Москва: Гос. издательство, 1929), с.16. В литературе встречаются и другие сведения о душевом потреблении алкоголя в стране в 1920-е гг., однако данные, опубликованные Родиным и представляющие собой результаты широкого социологического обследования, охватившего более четверти всех крестьянских хозяйств России, представляются нам наиболее убедительными.

[32] Дейчман, с.97.

[33] Ю. Ларин, Новые законы против алкоголизма и противоалкогольное движение (Москва–Ленинград: ВДОБТ, 1929), с.3.

[34] Ю.Ларин, Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним (Москва: ОГИЗ, 1929), с.14.

[35] Ю. Ларин, Новые законы против алкоголизма и противоалкогольное движение, с.5.

[36] Дейчман, с.118–124, 127–130, 140–142, 161–162.

[37] Подробнее см.: Д.П. Родин, «Обследование употребления алкоголя в сельских местностях РСФСР в 1928 г. и его итоги»; Э.И. Воронов, «Анализ деревенского алкоголизма и самогонного промысла», Вопросы наркологии (1926) 1; Б.Ф. Дитрихсон, «Алкоголизм Ленинграда в 1927 году», Ленинградский медицинский журнал (1928) №7; А. Ковалевский, «Алкоголизм в Луганском округе», Профилактическая медицина (1928) №11; З.А. Гуревич, А.З. Залевский, Алкоголизм (социально-гигиеническое исследование) (Харьков: Украинское государственное издательство, 1930); L.Phillips, Bolsheviks and the bottle: drink and worker culture in St.Petersburg, 1900–1929 (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2000).

[38] См., например: С. Шевердин, «Год незнаменитого перелома», Трезвость и культура (1989) №9, с.17; Трезвый быт: Сборник очерков, статей и рассказов из антиалкогольной печати 20–30-х годов (Москва: Физкультура и спорт, 1987), с.13.

[39] Ларин, Алкоголизм промышленных рабочих и борьба с ним, с. 34.

[40] Подробнее см.: Трезвый быт: Сборник очерков, статей и рассказов из антиалкогольной печати 20–30-х годов, с. 52–56, 67–74, 85–87 и др.

[41] Ю. Ларин, Алкоголизм и социализм (М., 1929), с.37–38; Борьба с алкоголизмом в СССР: Материалы Первого пленума Всесоюзного совета противоалкогольных обществ в СССР, 30 мая–1 июня 1929 г. (М.; Л., 1929), с. 10–11.

[42] Например, о существовании Общества борьбы с алкоголизмом в Карелии свидетельствует лишь резолюция Карельского обкома ВКП(б) от 1 января 1930 г., в которой говорилось, что общество «благодаря полной своей бездеятельности, совершенно не известно широкой общественности» (Карельский государственный архив новейшей истории (далее КГАНИ). Ф.3, оп.2, д.433, л.3).

[43] Ю. Ларин, Новые законы против алкоголизма, с.7–8, 16, 20.

[44] СУ РСФСР, 1929, №20: 224.

[45] См.: «Проект постановления по вопросам алкоголизма, внесенный 22 июня 1928 г. в подготовительную комиссию СНК СССР Обществом борьбы с алкоголизмом», Дейчман, с.175–193.

[46] См.: КГАНИ. Ф.3, оп.2, д.327, л.66–66об.; СУ РСФСР, 1929, 30:360; 39:403.

[47] Г.А. Бордюгов, «Социальный паразитизм или социальные аномалии? (Из истории борьбы с алкоголизмом, нищенством, проституцией, бродяжничеством в 20–30-е годы)», История СССР, (1989) 1, с. 66.

[48] Сталин, №9, с.192.

[49] Трезвость и культура (1930), №1, с.4.

[50] Т.С. Протько, В борьбе за трезвость: Страницы истории (Минск: Наука, 1988), с.126–127.

[51] В.В. Нагаев, Человек и алкоголь: социологические, психологические и медицинские аспекты (Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского университета, 1994), с.43; Л.Д. Мирошниченко, «История борьбы с пьянством и алкоголизмом в 20–30-х годах», Вопросы наркологии (1990) 3, с.58; Протько, с.129. Снижение уровня потребления спиртных напитков по сравнению с началом века, наблюдалось, кстати, во всех странах. В 1928–1932 гг. на душу населения в среднем приходилось (в литрах абсолютного алкоголя): во Франции — 20,6; Испании — 15,8; Италии — 11,8; Швейцарии — 10,5; Бельгии — 7,8; Австрии — 5,8; Англии — 5,1; Германии — 4,5; США — 4,0; Швеции — 3,5; Норвегии — 2,1 (Нагаев, с. 42).

[52] СЗ СССР, 1932, №69: 411.

[53] СЗ СССР, 1933, №3: 181.

[54] Segal, p.71.

[55] Народное хозяйство СССР в 1959 г. (Москва: Статиздат, 1960), с.686.

[56] «Алкоголизм», Большая Советская Энциклопедия (Москва: БСЭ, 2-е изд., 1950) №2, с.119.

[57] Подробнее об этом см.: И.Р.Такала, «Веселие Руси». История алкогольной проблемы в России (СПб.: Изд-во ж-ла «Нева», 2002).